

МРНТИ 03.01.07

Научная статья

<https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>

<https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>

<https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-26-44>

Переосмысление «производства знания» как методологический подход в исторических исследованиях

Жанар М. Джампеисова, Карлыгаш С. Бижигитова

Астана IT University, г. Астана, Казахстан,

Университет Международного Бизнеса, г. Алматы, Казахстан

(Email: Автор для корреспонденции: zhanar.jampeis@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена теоретическим подходам в современных работах зарубежных авторов, изучающих вопросы «производства знания» в рамках конструктивистской методологии. Историография изучения этой темы является достаточно обширной. В статье авторы обращаются к упомянутой теме с целью актуализации данного подхода. В предлагаемом анализе статей внимание фокусируется на источниках клише, которые были сформированы в рамках эволюционной теории, колониальных объяснительных схем, до сих пор не получивших полного переосмысления. В данной статье предлагается рассмотрение исследований, где изучается история «производства знания» как результат влияния на этот процесс властных институтов и идеологий. В статье выделены прежде всего работы, которые обращены к изучению наук, связанных с интересами империй и колонизации. Актуальность популяризации деконструкции колониального знания состоит в факте его присутствия в современных интерпретациях истории в огромном спектре тем, которые требуют критического анализа. В связи с этим анализ зарубежных работ, в том числе по истории Казахстана, вероятно, будет полезен и усилит интерес к подобным исследованиям.

Ключевые слова: дискурс-анализ; производство знания; Британская империя; Российская империя; колониализм; ориентализм; методология; клише.

Received 29.05.2023. Revised 06.07.2023. Accepted 15.11. 2023. Available online 30.03.2024.

For citation:

Jampeissova Zh.M., Bizhigitova K.S. Rethinking the «production of knowledge» as a methodological approach in historical research // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2024. – Vol. 146. – No. 1. – P. 26-44. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-26-44>

Для цитирования:

Джампеисова Ж.М., Бижигитова К.С. Переосмысление «производства знания» как методологический подход в исторических исследованиях // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 146. – No.1. – С. 26-44. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-26-44>

Введение

В данной статье будет рассмотрен ряд зарубежных исследований, в которых авторы проследили историю появления исторических понятий или концептов, возникших как результат социального конструирования. Представляет интерес обращение авторов к теме «производства знания», которые вскрывают корни наших представлений об обществе и культуре, созданные под влиянием тех или иных идеологий, включая колониальные. Целью статьи является изучение способов анализа производства знания, которые могли бы быть применимы для исследования и истории Казахстана. Задачами статьи является рассмотрение теоретических истоков указанного направления и результатов исследований отдельных исторических проблем.

Сопоставление ряда работ в указанном направлении позволяет увидеть познавательные возможности критики «производства» знания. Главный вывод, который можно сделать из результатов упомянутых ниже исследований, заключается в том, что их авторы соглашались в политической ангажированности интерпретации истории. Результаты могли зависеть от политической конъюнктуры, имперских намерений, а также научных клише. Однако можно констатировать, что критическое переосмысление отмеченных представлений, ставших устойчивыми, является непростой задачей, так как они не лежат на поверхности, а скрыты в привычных объяснительных установках.

Ожидаемый результат предложенного историографического анализа методологии «производства знания» в определенной мере состоит в раскрытии деятельности конкретных акторов колониальных институтов, благодаря которым формировались дискурсы.

Материалы и методы исследования

Статья написана на основе анализа зарубежных статей, в которых освещаются аспекты истории британской и российской колонизации, в частности, в Индии и Центральной Азии, соответственно. В них авторы данной статьи обратились к разным сторонам истории научных исследований в археологии, лингвистике, праве и других областях знания, служивших тем или иным образом культурной и политической гегемонии метрополий. Достаточно большое место уделяется работе американского антрополога и историка Бернара Кона «Colonialism and its forms of knowledge. The British in India» (Bernard Cohn, 1996), который, как известно, проделал скрупулезное исследование многих практик британских ученых, посвятивших себя детальному изучению отдельных областей индийской культуры, но затем сместивших акценты своих исследований в пользу интересов контроля со стороны метрополии. Другой ряд работ, рассмотренных в статье, демонстрирует различные подходы к анализу научных дискурсов, являвшихся выводами ученых и чиновников Российской империи, многие из которых остаются вне современной критики.

В статье обращено внимание на постмодернистский анализ в изучении путей производства знания, а также их связь с риторикой эпохи нового времени. В статье

используется анализ разработок и их сопоставление. Особое внимание обращено на критику источников, использованных авторами дискурс-анализа, которые привели к «деконструкции знания», в частности, к роли субъекта в интерпретации истории.

Обсуждение

Наиважнейшим аспектом в рассматриваемой сфере является изучение взаимосвязи власти и знания, получившей глубокое рассмотрение в работах одного из выдающихся философов XX века Мишеля Фуко. В отличие от доминировавшего в марксистской философии понимания власти как института подавления и силы имущих против неимущих, Фуко подошел к анализу власти как нечто вездесущему в общественных отношениях и непосредственно связанному с процессом создания знания. Ассоциируя знание как стремление к истине он утверждал, что «истину производят» (Фуко, 2002: 278-303). Отсюда, нас интересует часть методологии Фуко, которая связана с областью деконструкции истин, или сконструированного знания. Особенность его подхода в изучении общественных отношений скорее заключается не в анализе структур или систем, а в изучении практик, которые были присущи этому времени. Другими словами, в центре рассмотрения находятся не объекты, а практикуемая деятельность. Как отметил исследователь метода анализа Фуко Поль Вен, отличительной стороной подхода является то, что люди определяли все практики. Вследствие этого они и их практики становятся центром рассмотрения. Происхождение же самих практик вызвано объективными и субъективными историческими переменами, причем увидеть последние опять можно только при их изучении (Вен, 2002: 362). Поль Вен подчеркнул важность изучения практик тем, что они не являются идеологиями или обычным теоретизированием, которые часто сковывают мышление ограничениями и рамками определенных представлений. Напротив, задача исследователя состоит в обнаружении практик, что само по себе затруднительно по причине их завуалированности концептами и разного рода клише. Последние часто выступают в виде устойчивых образов и воспринимаются истинами последней инстанции. Клише, бытующие в сознании людей, как раз объективируют несуществующее в условно «существующее» и воспринимаются большинством некритично. Также Поль Вен отмечает, что Фуко предлагает начать осмысление клише путем анализа речи говорящего, слова которого, возможно, нас убеждают поверить в несуществующие объекты (Вен, 2002: 362). Такой подход известен как дискурс-анализ, имеющий свои корни в лингвистической критике текста.

Особый период в критике текстов начался с работы американского культуролога, получившей всемирную популярность, лингвиста Эдварда Саида, с его известной монографии «Ориентализм» (Саид, 2006: 9). В своей работе Эдвард Саид использовал дискурс-анализ Мишеля Фуко, на основе которого он подчеркивает важность связи образа и власти в части анализа колониализма, выразившейся в утверждении, что колониальные империи создали образ отсталого Востока, в противовес положительному образу рационального и трудолюбивого Запада. В его работе присутствует анализ

множества примеров подобных клише, которые были мультиплицированы в большинство художественных и научных книг о Востоке. В целом работа Эдварда Саида, ставшая популярной в 70-е годы XX века, а именно, в период освобождения стран Азии и Африки от колониальной зависимости, сделала большой вклад в рефлексию колониального прошлого. После ее выхода появился целый ряд работ с анализом текстов и клише по истории колониализма по всему миру (Knight, 2000; Спивак, 2001; Bhabha, 2004; Cooper Frederick, 2005; Marshall Alex, 2006; Suman Sett, 2009 и др.).

Если перейти к историческим произведениям через призму вышеназванного направления, то здесь можно отметить большое внимание к автору вообще, в особенности его субъективизму в отношении происходивших событий. Субъективность автора подразумевала наличие в его оценках как личного переживания происходившего, так и воспроизведение общественного мнения, как это принято называть «клише». Степень влияния субъективного восприятия истории стала предметом интереса многих современных исследователей традиций исторической мысли. Такой подход стал мейнстримом методологических изысканий со второй половины XX века. В особенности нужно выделить подход рассмотрения знания как социально конструированное или, другими словами, «произведенное».

Результаты

Тема производства знания достаточно давно получила широкое распространение в публикациях по изучению связей колониальных властей с научными кругами, ориентированными на поддержку интересов империи и колонизации. К настоящему времени изучение практик производства знания востоковедами и чиновниками о колонизованных народах и их культурах насчитывает большое количество трудов. Отдельно следует остановиться на работе американского историка и антрополога Бернара Кона, специалиста по истории британского колониализма в Индии, который в свое время глубоко и детально изучил британские практики производства колониального знания. Исследователь Николас Деркс в предисловии к его монографии отмечал, что благодаря колониализму были не только завоеваны территории и народы, но и, что не менее важно, процесс этот сопровождался культурной колонизацией, изменявшей не в лучшую сторону представления коренных жителей о собственной истории. Изучая традиции местного населения, представители колониальных властей создавали новые формы знания, и впоследствии представляли истории последних как отсталых в культурном отношении народов в сравнении с имперской культурой (Cohn, 1996:1). Другими словами, так формировались предпосылки для идеологии о превосходстве европейской цивилизации. Такой колониальный дискурс вызвал появление новых исследований о путях достижения эффекта колонизации сознания. Рассмотрим некоторые результаты исследований в работах Кона, который, несомненно, внес большой вклад в постколониальные исследования.

Кон в указанной работе проанализировал пути трансформации знания местного населения в «колониальное знание», которое потом становилось идеологической опорой

управления колониями. Нужно отметить чрезвычайную важность данной работы с точки зрения возможности применения предложенного анализа как образца деконструкции дискурсов. Кон вскрывает вымысленность «научности» тех или иных постулатов через анализ колониальных практик. Как отмечал ученый Поль Вен, задача исследователя состоит в поиске и определении самих практик по созданию дискурса, условий появления и его значения. Практики подразумевают конкретные действия, совершаемые людьми по отношению к чему-либо, или к кому-либо (Поль Вен: 358). В результате получается явление, облаченное в идеологию, что, собственно, и представил Кон.

Теперь нужно перейти к практикам, которые смог определить автор и объяснить их результаты в политике британцев в Индии. В отличие от средневековых европейских государств, где «театр власти» создавали священники, историки, барды, артисты, обеспечивавшие ритуальное сохранение форм этой власти, то, начиная с XVIII века, институты и средства этой функции государств поменялись, утверждает Кон (Cohn, 1996:5). По его мнению, в это время расширились пути установления власти государства в разных областях и сферах жизни. Контроль осуществлялся через определение пространства и его классификацию. Это производилось через организацию переписей, записями о количестве рожденных и умерших, стандартизацией языков и прочими методами. Вдобавок он дополняет, что школы стали наиболее важным институтом, где происходило формирование моральных норм, необходимых для усиления власти. Историю Великобритании Кон рассматривает неразрывно от истории ее колоний, так как именно их ресурсы формировали ее как колониальную империю.

Как считает Б. Кон, после завоевания Индии, британцам нужно было понять особенности страны, ее население, включая традиции, культуру и социальное расслоение. Достигнуть этого они могли через сбор информации, используя которую можно было бы организовать эффективную систему административного управления колониями. Автор книги отмечает, что, по мнению завоевателей, через переводы различных местных текстов можно было собрать данные о стране, которые помогли бы завоевать новое пространство.

Для Кона наиболее важным становится изучение этой части освоения колонизаторами индийской территории. В связи с этим можно наблюдать за приводимыми в исследовании фактами, когда чиновники стали изучать персидский, арабский и санскрит, а также другие местные языки для того, чтобы эффективно руководить населением, и одновременно изучать собственно коренное население. Это цели, которые развили, по выражению автора, «исследовательские модальности» (Cohn, 1996:5). Под исследовательской модальностью обычно понимается отношение автора к содержанию научно-исследовательского текста. В данном случае Кон подразумевает определение британцами предмета исследования, принципов сбора информации, их классификаций, а также форм, через которые собранный материал подавался в виде отчетов, энциклопедий, исторических трактатов, статистических изданий и многих других действий. Значительная часть из них могла быть представлена в виде научных результатов в области картографии, медицины, статистики, этнологии и др.

Особый интерес в работе Кона представляет выделение им категории «историографической модальности» (Cohn, 1996:5). По его мнению, эта модальность была наиболее сложной и всепроникающей. История для британцев была очень важной с точки зрения объяснения принципов существования мира. Сама история стала значительным предметом для дискуссий о путях управления Индией. С самого начала завоевания британцы были озабочены вопросом об изменении системы управления доколониального времени. Поэтому им было необходимо изучить предыдущие практики. С конца XVIII века они начали такие исследования в Бенгалии с целью получения информации о количестве доходов, методах их сбора и оценки. Вследствие этого началось изучение и земельного вопроса. К этой работе добавилось также изучение вопросов традиций и местной истории.

Важной «историографической модальностью» было формулирование сути индийской цивилизации, изучение которой впоследствии отразилось в той или иной мере во многих работах британских авторов. По мнению Бернара Кона, они положили начало формированию британской цивилизирующей миссии в Индии (Cohn, 1996:5-6).

Научные исследования, осуществляемые британцами, были частью колониального производства знания. После завоевания Индии началось научное изучение биологии, географии, включая архитектуру и археологию. Эти исследования наполнялись вкладом определенных персон, таких, как Джеймс Ринел, Вильям Лабтон, Колин Маккензи и других. Для Кона было важно обнаружить среди них практики, благодаря которым были собраны многие знания, а также разработаны теории, которые помогали управлять Индией.

Одной из форм сбора информации по Индии были исчисления, где большое место занимали переписи, которые воплощали задачу охвата полного знания. По предположению Кона, переписи служили административным целям Британской империи, которые объективировали социальные, культурные и другие отличия населения Индии. Вследствие их результатов формировался вывод, что только британцы могут не допустить конфликт в этой стране (Cohn, 1996:8).

Далее Кон выделил музееведение как отдельный вид модальности. Британцы обнаружили в Индии несметное количество исторических артефактов. Многие из них были оставлены отдельным влиятельным персонам и научным обществам, и в то же время их другое огромное количество пополнило музеи Британии. Кроме того, были описаны и отмечены на картах многие новые археологические места. В этот период времени Колином Маккензи было проведено самое большое археологическое исследование, в ходе которого он одновременно собрал коллекцию текстов, рукописей и устных историй. Другой исследователь, Джеймс Фергюссон, проехал всю Индию в 1837-1842 годах, в итоге написав полную историю индийского искусства и архитектуры. Таким образом, во второй половине XIX века, постепенно репрезентации Индии стали появляться на огромном количестве выставок и распродаж предметов искусства, многие из которых стали основой личных и общественных коллекций. Все это превратилось, по мнению Б. Кона, одновременно в инструмент власти представлять и определять прошлое Индии (Cohn, 1996:10).

Антропология была также формой знания. В этой области антропологи видели себя посредниками между колонизаторами и управляемыми. По мнению Кона, они использовали практики, которые должны были стереть эти границы в постколониальном мире. Но, в конечном счете, они не смогли избежать использования европейских научных теорий для классификации населения.

Местные языки тоже играли важное значение в колониальном производстве. Они помогали колонизаторам овладеть системами коммуникации в индийском обществе. Как отмечает Кон, первоначально, в течение XVII и XVIII веков, главной целью Ост-Индской компании была только торговля, свидетельством которой являлись многочисленные документы о ее товарообороте, включавшей многочисленные записи о видах продуктов, их ценах, информации о торговых локациях, словом обо всем, что характеризовало суть торговых компаний и их связей с Могульской империей. Через такого рода информации проглядывала роль местных индийцев, которые обеспечивали британцев любопытными сведениями, благодаря которым они могли осуществлять необходимую деятельность (Cohn, 1996:16). Сведения коренных жителей включали название товаров, их ценность, источники возникновения продукции, рыночные сети, через которые они проходили. Другие персоны из них были носителями знаний об особенностях управления в Индии и функционировании страны. Многие из них знали несколько языков и могли стать посредниками в налаживании торговой деятельности. На начальном периоде британцы искали пути выстраивания отношений с местной властью для получения большей легитимации своей деятельности. Знания местного населения о всех типах коммуникаций делало британцев зависимыми от них, что вызывало их обеспокоенность. К примеру, сошлемся на описанный автором в своей книге случай, когда в 1615 году Томас Рой был отправлен к Могульскому двору для подписания договора, чтобы обеспечить любовь и мир между Могульской империей и королем Джеймсом. Здесь автором была подмечена озабоченность английского посланца об отсутствии переводчика, которому он мог бы доверять, так как в договоре могулы могли поставить имя своего правителя выше имени английского короля, чего Томас Рой никак не мог позволить (Cohn, 1996:17). Данный факт как один из многих показывает, что изначально британцы пытались обозначить собственное превосходство, утверждая тем самым своим слушателям мысль о том, что все европейцы, посланные в отдаленные страны, являются представителями европейской цивилизации, миссия которой нацелена на преодоление «варварства» восточных стран.

Бернар Кон выделил в последующей политике британцев в Индии три проекта. Первый проект определялся необходимостью использования британцами языков местного населения как лучшего способа понять культуру Индии с целью ее контроля. Следующим проектом был процесс изучения и классификации истории Индии с намерением определить ее место в иерархии цивилизаций. Цель третьего проекта подразумевала патронаж религиозных деятелей, а также представителей литературы, которые являлись для британцев основными носителями смыслов местной культуры. Центр же управления названными проектами расположился в Лондоне, где такие институты, как Парламент и директорат Ост-Индской компании, определяли

стратегию политики в далекой Индии. Непосредственное осуществление политики Британии в индийской колонии производилось через Азиатское общество Бенгала, а также через ученых колледжей и университетов (Cohn, 1996: 46-47). Последнее обстоятельство вызовет в последующем дебаты между столичными интеллектуалами и их представителями в Индии о путях шефства над индийским знанием и передаче европейской мысли в их среду.

Изучение истории надзора британскими чиновниками индийских религиозных институтов показало, что англичане были недовольны местными духовными представителями и их подходом к работе местных медресе. Губернатор Индии, известный Уоррен Гастингс, после обращения мусульман с просьбой открыть медресе, где изучались бы мусульманские законы и другие науки при финансовой поддержке Ост-Индской компании, способствовал открытию такого медресе. Директором в нем был назначен известный ученый Муиз-уд-дин, который через несколько лет был обвинен в фаворитизме и неправильном использовании финансов. Этот факт заставил британцев создать отдельный комитет, который стал руководить заведением. Он был сформирован по английским канонам, хотя основным его делом было изучение ислама.

Б. Кон, исследуя процессы формирования в колониальный период образовательных заведений и роль в них индийских ученых и преподавателей, заметил, что, несмотря на их присутствие в новооткрытых колледжах, местные интеллектуалы большей частью исполняли роль информантов о жизни своего края, в отличие от задач британского персонала преподавателей. В частности, в колледже в Форт Уильяме (Fort William), индийские знатоки собирали и переводили материалы, а британский персонал устанавливал планы и определял необходимость того или иного знания. Последние также составляли жалобы на местных ученых, будучи недовольными их стилем работы. Например, один из ученых жаловался на индийского брахмана, что тот любил предаваться абстракциям и размышлениям, в то время как британцы предпочитали более рациональный подход ко всему происходящему (Cohn, 1996: 51).

По заключению Бернара Кона, британцы, колонизировав Индию, пытались понять ее через свои представления. В итоге их сравнительный метод изучения способствовал классификации общей системы знания Индии и служил упрощению понимания местного культурного разнообразия, с которым приходилось часто встречаться британским ученым. Используемый сравнительный метод давал британцам возможность сформировать идею прогресса через доказательства имевшегося стадийного развития индийского общества, также и его упадка. Они интерпретировали состояние Индии XIX века как регресс. Восстановление ее былого величия виделось британцам в восстановлении священных книг Индии. По словам автора исследования, британцы делали такие утверждения на основе сравнения индийской литературы с историей британской литературы. В Великобритании литература XIX века, как им казалось, была обусловлена ходом самой истории, где автор, используя свой талант, мог влиять на нее. В Индии же, по мнению чешского ученого Камила Звелебила, не писали в линейной форме, скорее структурировали ее (Cohn, 1996: 56).

Юридическая сторона взаимоотношений колонизаторов и колонизованных также привлекала внимание Б. Кона. Автор отмечает, что с начала своего основания Ост-Индская компания могла управлять индийскими территориями, но под контролем Парламента. Легитимацию своей деятельности в Индии Ост-Индская компания получала через сертификаты, получаемые компанией от индийских правителей, благодаря которым они могли оценивать доходы и осуществлять сбор налогов, например, в Бенгале. Вначале британская администрация полагала, что можно использовать индийское право для осуществления сбора налогов. Поэтому эта область знания тоже подвергалась изучению, чтобы, во-первых, не быть зависимыми от местных экспертов, во-вторых, с возможностью его последующей модификации - британцы представляли земельные отношения согласно своим представлениям о праве. Особенно их не устраивала та часть индийского права, в которой предполагалась произвольность толкования правовых случаев. Этот момент вызывал у британцев сомнение по поводу сохранности собственности, что и позволило относить индийскую систему права к деспотической. Позже, в конечном итоге, они стали к этому термину привязывать всю политическую систему империи могулов (Cohn, 1996: 65).

Мысль о деспотизме была заимствована из классификации Аристотеля, согласно которой суть такой власти была неограниченной. Как писал в предисловии к переводу книги по истории Индостана некий Александр Доу, служивший в Ост-Индской компании, содержание книги относилось к истории мусульманского завоевания в Индии. В нем названный чиновник высказал свое мнение о духе народа. В его изображении население страны легко передавало себя от одной тирании к другой. Из чего делалось общее заключение о нестабильности и произвольности, присущие местному управлению, что в целом создавало опасность для собственности. Отсюда британцы пришли к выводу, что могулы могли передавать земли Индии из рук в руки в форме дарений с целью поддержки военной знати, а право на землю заканчивалось со смертью монарха. Такое же представление сложилось у них о происхождении сословных титулов. Британцы заключили, что только падишахи могулов были их источником, причем сословные титулы не могли передаваться по наследству, в отличие от ситуации в Британии. По их мнению, это предотвращало сложение наследственной системы и вело к кровопролитным войнам. Британцы, таким образом, констатировали разницу в правовых законах двух стран.

Британская сторона видела в воле падишаха моголов неограниченную власть его на общество, которая, в свою очередь, продолжала полагаться на обычаи и религию. Индусы входили во множество сект и все они имели свои локальные обычаи. В целом британцы считали всю систему управления Индии абсолютистской, державшейся на личности императора могулов с переходящей политической властью, неконтролируемой какими-либо институтами. Поэтому это сподвигло британцев прийти к заключению, что в Индии необходима «сильная рука» для эффективного управления страной (Cohn, 1996: 65).

Одновременно с развитием дискурса о деспотичности Индии британцы, по словам Кона, создали другой дискурс о стране, суть которого заключалась в его теократическом

характере. Эту модель представили Уоррен Гастингс и его ассистенты. Согласно ей, в Индии с древних пор формировалась юридическая система, поддерживавшаяся большим количеством комментариев к законам, знанием которых обладали достаточно хорошо подготовленные специалисты и сохраняющие это достояние, а также те, кто их использовал и интерпретировал. Будучи не согласным с мнением о деспотичности Индии, Гастингс поспешил лоббировать среди парламентариев мысль о том, что местные законы более подходят для коренного населения, глубоким знанием которых выделялись брахманы (Cohn, 1996: 68). Модель Уоррена Гастингса подразумевала историческое существование власти закона, которая хорошо функционировала еще со времен древних сообществ и периода Пророка Мухамеда в отношении мусульманского населения. Гастинг считал, что древний индийский закон может быть доступным также и для английских судей, теперь представленных в индийских судах, и которые могли бы, таким образом, судить дела по вопросам собственности, наследства или долгов. Поэтому были поставлены задачи переводов древних текстов на персидский, а затем на английский языки. Один из таких ученых-переводчиков, как сэр Вильям Джонс, поддерживал политику дальнейшего применения законов Могольской империи. Не сомневаясь в том, что правовая система метрополии была более высокого уровня, он опасался, что даже законы, основанные на свободе, могут стать на индийской почве их противоположностью, так как британские законы имеют совсем иную природу. Он предлагал Ост-Индской компании иметь специалистов для перевода. В такой системе английские судьи виделись ему на более высоких позициях с целью проверки местных клерков (Cohn, 1996: 68).

В ходе колонизации Индии происходил процесс переформатирования индийских законов через линзы англичан. Все попытки классификации индийского права объяснялись желанием найти аутентичные тексты и необходимостью контроля этой массы правовых интерпретаций. В конечном итоге найти аутентичность, по-видимому, не удалось. После правовой реформы 1864 года произошла отмена функционирования множества судов с участием индуистских и мусульманских чиновников, а затем состоялся переход к высшим местным судам, где дела разрешались по британскому прецедентному праву и решения выходили на английском языке. Однако, как утверждает Б. Кон, сами индийцы не были пассивны к британской политике модификации их культуры. Поэтому наличие и нарастание протестного настроения, в конечном счете, приводили власть британцев к постепенному разрушению.

Оценивая методологическое значение работы Бернара Кона, нужно выделить те обнаруженные колониальные практики, которые стали основой для создания британцами идеологии необходимости их присутствия в Индии и оправдания их колониальной политики. Эта политика, как известно, выразилась в расширении территории власти британцев в разных областях и сферах жизни. И она осуществлялась через организацию переписей, статистических исследований, стандартизацией языков и прочих методов. Результаты британцы интерпретировали в своих интересах. В целом история интеллектуальной колонизации Индии Британской короной любопытна как пример возможности его экстраполяции на другие истории имперского производства знания на разных колонизированных территориях.

Известный американский историк Юрий Слезкин в своей статье «Естествоиспытатели и нации» проанализировал источники по истории и культуре народов Российской империи, написанные немецкими учеными Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом в XVIII веке, И.Г. Георги и широко известные как первые фундаментальные труды по описанию народов империи (Слезкин, 2005:2). Неожиданно для читателя Юрий Слезкин обнаружил за огромным массивом названий гор и рек, а также племен, их обрядов и особенностей хозяйства не только занимательную и достаточно стройную систему описания, но и приемы конструирования социальной жизни народов. Проведя анализ классификаций народов Российской империи в таких работах, как «Путешествие по разным местам Российского государства...» Палласа П.С., «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» Георги И.Г, Миллера (Паллас, 1773-1786; Георги, 1799; Миллер, 2005), и других авторов той эпохи, Юрий Слезкин обращается к проблеме стиля мышления и приемов исследования ученых XVIII века. Юрий Слезкин в их намерении описать Российскую империю видит попытку каталогизации ими отдельных народов в некие системы. По его замечанию, самой значительной частью процесса каталогизации были сами люди, отличавшиеся внешностью, языком и многими другими параметрами. По его мнению, немецкие ученые применили принцип системности и организовали людей в народы, дав детальные описания их этнографических особенностей, например, языка, традиций и др. Так, в главную номенклатуру системы вошли такие признаки, как автономные наименования, территория, обычаи, вероисповедания, пищевые предпочтения и другие компоненты. Значительной чертой классификации было изменение в принципе «веры», считавшейся ранее главным индикатором в разделении людей и потом в их изысканиях трансформировавшейся в область культуры (Слезкин, 2005: 120-154). Ссылка на исследование Юрия Слезкина здесь приведена как пример, на котором можно наблюдать метод переосмысления историками объяснительных логик и терминологии прошлого, и которые на самом деле были результатом субъективного видения общественных процессов.

Конструирование знания могло происходить в самых разнообразных формах и дискурсах. В этой связи имеется достаточно много работ, в которых авторы стараются проследить генеалогию появления некоторых устойчивых представлений, созданных в результате интерпретации реальности из субъективных запросов индивидов или элит. Хорошим примером такого подхода может служить работа американского историка Марка Бассина «Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства» (Бассин, 2005:14), где прослежена история восприятия и формулирования географической локализации России по отношению к «Европе» и «Азии». Автор дал оригинальный анализ того пути, когда российские интеллектуалы меняли свою привязку к этим культурным категориям в зависимости от отношения политической элиты к идентификации России в разные исторические периоды, в особенности в формировании восприятия ее, как империи.

Прежде всего, анализ М. Бассина основывается на утверждении, что исторически географическое пространство воспринималось всегда субъективно на основании разных факторов. Одним из них было ограниченное знание географии, из-за чего интеллектуалы

в разные эпохи по-своему интерпретировали пространство. Например, представление о том, что земля делится на отдельные части, выдвинутое когда-то греками, (в частности, о том, что границами между ними считались водные пространства, на северо-востоке - по Эгейскому морю, через Дарданеллы и Босфор, на востоке – по Дону –Танаису), было определено конечным фактом так, что дальнейшие знания о пространстве заканчивались. В XVIII веке становится известным, что за Доном располагались и другие малознакомые территории. Такого рода новости постепенно меняли прежние представления об организации пространства (Бассин, 2005: 278-279).

В первой четверти XVIII века, по мнению Бассина, в идеологии России происходит признание культурного превосходства Европы, и теперь многие ее шаги в политике были направлены на копирование западной культуры, например, отразившееся в том, что Россия стала империей с воздвигнутым на престол императором Петром Первым. Это повлияло на восприятие элитой категории пространства с политической точки зрения. Главным в характеристике этой эпохи в идеологии элиты России стало четкое разделение ее на Европу и Азию. С этим во многом связано принятие историком и идеологом петровского времени В.Н. Татищевым Уральских гор как границы между Европой и Азией, хотя отдельные ученые предлагали выбрать чертой разделения между Европой и Азией территории дальше на восток. Однако, как отметил М. Бассин, в течение XIX века появилось сомнение в убежденности русских в их европейской идентичности. Особо это выразилось в интеллектуальном движении славянофилов, которые проникновенно стали убеждать общество в идее уникальности России. Одним из ярких представителей славянофильства был Н. Я. Данилевский. Как напоминает М. Бассин, в 1869 году в работе «Россия и Европа» Н. Данилевский раскритиковал представление о делении Российского государства на европейскую и азиатскую, приведя географические опровержения насчет того, что Уральские горы могут являться естественным разделителем континента и, в свою очередь, доказывал географическую цельность страны. Он классифицировал Россию как единое физико-географическое пространство, а также единое историко-этнографическое сообщество. Им утверждалось, что за Уралом простирались не колонизованные территории, а ее органическое продолжение. По мнению М. Бассина, Данилевский, отвергая представление о колониальных приобретениях в Азии, предпочел видеть в колонизации естественное продвижение русских на «незанятые» территории, что, в свою очередь, поддерживало идею создания единого имперского пространства (Бассин, 2005: 283-291). Бассин также отмечает, что в полной мере русская национальная идея выразилась в идее евразийства, которая продолжила взгляды Данилевского о некотором культурном разрыве с Западом. М. Бассин заметил, что далее эти идеи развил один из видных евразийцев, П.Н. Савицкий, который представлял Россию-Евразию примерно в рамках границ бывшего СССР (Бассин, 2005: 296). Нужно отметить, что осуществленный Бассином анализ представлений относительно того, является ли Россия Европой или Азией, показывает ряд трансформаций политико-культурологических концептов, которые по сути являлись социальными конструктами, постоянно адаптировавшие локализацию России в процессе происходивших социально-политических изменений в самой стране

и за ее пределами. В отмеченной работе М. Бассина четко прослеживается анализ процесса производства знания, обеспечивавшее новую политическую идеологию российского государства в контексте изменявшихся реалий.

Важному процессу колонизации – сбору информации о малоизвестных землях и народах, без которой была невозможна колонизация - посвящена монография американского историка Яна Кемпбелла «Знание и конец империи: казахские посредники и русское управление в степи, 1731-1917 гг.» (Campbell. 2017). С точки зрения методологии, как отмечает сам автор, его не интересовало конструирование дискурсов, концептов, а скорее то, как люди формировали и пересматривали свои утверждения на основе приобретенной информации (Campbell, 2017: 2). По мнению автора, различные институты, например, появившиеся русские школы для казахов, не только выстраивали имперское пространство, но и давали некоторые возможности казахским представителям представлять себя в нем, и обеим сторонам – друг друга (Campbell, 2017: 3). Также Кемпбелл утверждал, что для понимания связи между властью и знанием надо изучать циркулирование и генеалогию идей, включая шаги от начала исследований до использования их результатов колониальными администраторами.

Предшествующие работы привели Я. Кемпбелла к внимательному изучению условий производства знаний как административного рычага, в случае истории колонизации казахов. В поле рассмотрения исследователя предстали такие деятели казахской степи, как активный сторонник просвещения Ибрай Алтынсарин и акын Абай Кунанбаев, через изучение деятельности которых Кемпбелл пытался ответить на вопрос о том, насколько они участвовали в производстве знаний о степи, в особенности, как они относились к идее - о «цивилизующей роли» империи. Соглашаясь с тем, что они были также подвержены этой идее о необходимости прогресса, автор заключает, что, в конечном итоге, посредники, работая для империи, сохраняли все же «степень интеллектуальной автономии и активности» (Campbell;13-19).

Другой новой книгой, посвященной путям имперского производства знания, стала работа двух авторов - П. Сартори и П. Шаблей (Сартори П., Шаблей П., 2019:13). В данной книге собственно анализ производства знания раскрывается через изучение попыток российских колониальных властей найти место адата и шариата в правовой культуре казахов. Большую часть монографии занимает анализ опыта кодификации обычного права, который производился целым рядом русских чиновников, работавших по заданию колониальных властей в течение всего XIX века. Исследователи поставили под сомнение утверждавшийся длительное время тезис об ограниченной представленности исламского права в правовом сознании и практиках казахов, который, как считалось, существовал в форме некоего добавления к обычному праву (Сартори П., Шаблей П., 2019: 88). Для авторов близко теоретическое утверждение о том, что правовая культура казахов по своей природе была «гибридной», где адат и шариат были взаимопроникающими практиками, нежели они были отдельными друг от друга культурами (Сартори П., Шаблей П. 2019: 41). Во многом авторы видят корни противопоставления адата и шариата в специальных приемах кодификации права, которые были обусловлены бытовавшим в имперских кругах негативном отношении к роли шариата, а также

вере в то, что ислам не являлся исторически присущей традицией казахов. Важными задачами для авторов исследования стали проблемы выявления разнообразия приемов производства колониального знания, которое могло зависеть от огромного количества предпосылок и условий, в которых оно производилось. Изучение позиций востоковедов и колониальных чиновников относительно соотношения адата и ислама предоставило возможность авторам книги обсудить особенности Российской империи (Сартори П., Шаблей П., 2019: 7). Говоря о полезности названного подхода, можно заметить, что он дает пищу к дальнейшим размышлениям о природе колониального и «традиционного» знания, переосмыслить привычные схемы объяснений прошлых эпох, которые были основаны на эволюционных и других концептах.

Заключение

Работы, исследованные в данной статье, в той или иной степени посвящены истории науки. В целом, как мы увидели, процесс производства знания в рассмотренный колониальный период был неразрывно связан с влиянием доминировавшей власти и ее запросами. Поэтому не случайно специалисты исторической науки поднимают вопрос о необходимости критики научных постулатов, в которых производство знания и политика были взаимосвязаны, вследствие чего результаты их часто остаются недостоверными.

Обобщая все вышесказанное, мы еще раз хотим подчеркнуть важность вопроса выявления практик, отмеченных и проанализированных в вышеназванных научных работах. В них авторами были определены сферы существования дискурсов, прежде всего, научных, почва для которых возникала на основе колониальных практик. Обозначенные дискурсы представляют особенное значение, так как именно научные круги колониальных режимов создавали категории анализа, интерпретировавшие факты с точки зрения интересов метрополии. Обобщая опыт научных практик британцев в Индии, следует еще раз отметить, что спектр их оказался широким, начиная от стандартизации языков, формирования корпуса данных в виде статистических, этнографических опусов, до колониальной интерпретации правовых институтов, где создавались штампы о местных культурах как отсталых и поэтому требовавших модернизации.

Если говорить о возможности применения методологического подхода, то можно поставить вопрос о необходимости нахождения подобных практик в научных нарративах российских колониальных чиновников, появившихся в ходе колонизации казахской степи. Краеугольным практическим заключением, вытекающим из выше предложенного анализа работ, является постановка задачи о необходимости анализа деятельности исследователей и определенных колониальных научных учреждений, благодаря которым формировались отмеченные дискурсы. Собственно, это является главным в анализе производства знания. Огромный массив статистических, этнографических работ, книг по истории обычного права, а также мемуары чиновников и военных Российской империи создали огромный свод работ, в которых обнаруживаются

те или иные дискурсы об отсталости местного населения, ставшие, в конечном итоге, идеологическим обоснованием культурного превосходства и права «цивилизующей» колонизации. Все эти практики требуют критического переосмысления основ их происхождения.

Исследования по феномену производства знания актуальны по сей день и будут важны еще долгое время, поскольку идеи колониального знания проникли глубоко во все сферы современного знания, в книги и учебники. Несмотря на то, что эпоха колониализма осталась в прошлом, ее идеология в той или иной форме сохраняется и продолжает влиять на взгляды современников. Поэтому огромную важность представляет переосмысление так называемого «научного багажа» и анализ путей модификации местного знания в колониальное. В этой связи необходимо дальнейшее внимательное изучение существующей методологии, наработанной за последние десятилетия.

Вклад авторов в статью

Джампеисова Ж.М. обосновала концепцию статьи и методологические подходы к исследованию. Автор отобрала отдельные научные работы для анализа. Кроме того, автором внесен вклад в анализ проблемы и написание статьи и выводов. В том числе, автор перевел отдельные научные работы с английского на русский язык.

Бижигитова К.С. участвовала в разработке идеи статьи, а также в отборе научных работ по поставленной проблематике. Кроме того, Бижигитова К.С. равноценно участвовала в интерпретации данных и в их обобщении. Автор участвовал в написании статьи, а также в формулировке выводов.

Список литературы

- Bhabha H. K. *The Location of Culture*. – London: Routledge, 2004. – 440 p.
- Campbell Ian W. *Knowledge and the Ends of Empire. Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917*. – Cornell University: Itaca and London, 2017. – 273 p.
- Cohn S. Bernard. *Colonialism and its forms of knowledge. The British in India*. – New Jersey: Princeton University Press, 1996. –189 p.
- Cooper Frederick. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. – 327 p.
- Johnson, T., Dandeker C., Ashworth C. *Empiricism. // The Structure of Social Theory. Contemporary Social Theory*. – London: Palgrave, 1984. – P.24-74.
- Knight N. *Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the service of Empire. // Slavic Review*. – №1(59). – 2000. – P. 74-100.
- Marshall Alex. *The Russian General Staff and Asia (1800-1917)*. – London, New York: Routledge, 2006. – 263 p.
- Suman Sett. *Putting knowledge in its place: science, colonialism, and the postcolonial. // Postcolonial Studies*. – № 4(12). 2009. – P. 373-388.

Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. – М.: Новое издательство. – 2005. – С.277-303.

Вен П. Фуко совершает переворот в истории // Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М.: Научный мир, 2003. – С. 350-391.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: монография в 4 т. Т.2. О Народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных Сибирских. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. – 178 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири: монография в 3 т. под ред. Н.А. Баклановой и А.И. Андреева. – М.: Восточная литература, 2005. – 598 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук: монография в 6 т. – СПб.: Императорская академия Наук, 1773 – 1786. – 606 с.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. – 637 с.

Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 280 с.

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. – М.: Новое издательство. – 2005. – С. 120-154.

Спивак Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ, 2001. – С. 649–670.

Фуко М. Власть и знание // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.

«Білім өндірісін» тарихи зерттеулерде әдіснамалық тәсіл ретінде қайта қарастыру

Жанар М. Жампеисова, Қарлығаш С. Бижигитова

Astana IT University, Астана, Қазақстан

Халықаралық бизнес университеті, Алматы

Андатпа. Мақала құрылымдық әдіснама аясында «білім өндірісі» мәселелерін зерттейтін шетелдік авторлардың қазіргі еңбектеріндегі теориялық салыстыруларға арналды. Тақырыптың зерттелу тарихнамасы біршама кең. Оның негізіне ғылым мен мәдениет сабақтастығы алынды. Аталған мәселенің басты аспектісі саяси режимдерді ақтауға немесе билік мүддесіне қызмет көрсетуге арналған білім трансформациясын ғылыми талдау болып табылады. Мақалада жаулап алынған аумақтардағы империялар мүддесін қамтамасыз етуді қарастырған ғылыми орталар мен биліктің өзара әрекеттесуі туралы зерттеулер дәйектелді. Ұсынылған мақаланы талдауда эволюциялық теориялар аясында қалыптасқан деректер, осы күнге дейінгі колониалды

түсіндірме сызбалар толыққанды қайта қарастырылды. Осыған орай, мақалада дискурстық талдаудың теориялық бастамалары назарға алынды.

Сонымен қатар, Үндістандағы ағылшындардың империялық тәжірибесін қарастырған ғалым Бернар Конның зерттеулеріне басымдық берілді. Жаулап алу кезінде қалыптасқан Қазақстан тарихының кейбір мәліметтеріне қатысты мекемелерді қайта қарастыру кезінде ғылыми еңбектерге талдау жасалды. Сол сияқты танымал колониалды білім жүйесін қайта құрылымдау өзектілігі сын тұрғысынан талдауды талап ететін кең көлемдегі заманауи тарихи оңдеулерді қамтыған дәйектерге сүйенілді. Бұл ретте, әсіресе Қазақстан тарихына қатысты шетелдік жұмыстарды сараптау пайдалы болуы мүмкін және осы бағыттағы зерттеулерге қызығушылықты арттыруы ықтимал.

Кілт сөздер: дискурстық талдау; білім өндірісі; Британдық империя; Ресей империясы; отаршылдық; шығыстану; әдіснама; әдіснамалық тәсілдер; клишелер

Rethinking the «production of knowledge» as a methodological approach in historical research

Zhanar M. Jampeissova, Karlygash S. Bizhigitova

Astana IT University, Astana, Kazakhstan

University of International Business, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to theoretical approaches in contemporary works of foreign authors who study the issues of «knowledge production» within the constructivist methodology. The historiography of this topic is quite extensive. It is based on the study of the relationship between science and power. One of the main aspects of this problem is the consideration of scientific interpretations that could serve to justify political regimes or the transformation of knowledge to serve the interests of power. Especially the study of this aspect of the connection between knowledge and power was expressed in studies on the interaction of authorities with the scientific community, which ensured the interests of empires in the conquered territories.

In the proposed analysis of articles, attention is focused on the sources of clichés that were formed within the framework of evolutionary theory, colonial explanatory schemes, which have not yet received a complete rethinking. In this regard, the article mentions the theoretical roots of discourse analysis. The attention is paid to the study of the British scholar Bernard Cohn, who undertook a study of the imperial practices of the British in India. The article also analyzes the works devoted to the rethinking of statements relating to some pages of the history of Kazakhstan, formulated in the colonial period. The relevance of popularizing the deconstruction of colonial knowledge lies in the fact of its presence in contemporary interpretations of history in a huge range of topics that require critical analysis. In this regard, the analysis of foreign works, including those related to the history of Kazakhstan, is likely to be useful and increase interest in such studies

Key words: discourse analysis; knowledge production; the British empire; the Russian empire; colonialism; orientalism; methodology; methodological approaches; cliché

References:

- Bhabha N.K. The Location of Culture. (London, 2004, 440 p). [in English]
- Campbell Ian. Knowledge and the Ends of Empire. Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. (Itaca and London, 2017, 273 p.). [in English]
- Cohn S. Bernard. Colonialism and its forms of knowledge. The British in India. (New Jersey, 1996, 189 p.). [in English]
- Cooper Frederick. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. (Berkeley, 2005, 327 p.). [In English]
- Johnson, T., Dandeker C., Ashworth C. Empiricism. // The Structure of Social Theory. Contemporary Social Theory. (London, 1984, P.24-74.) [In English].
- Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the service of Empire. Slavic Review.1 (59), 74-100 (2000). [in English]
- Marshall Alex. The Russian General Staff and Asia (1800-1917). (London, New York, 2006, 263 p.). [In English]
- Suman Sett. Putting knowledge in its place: science, colonialism, and the postcolonial. Postcolonial Studies. 4 (12). 373-388 (2000). [in English]
- Bassin M. Rossiia mezhdru Evropoi i Aziei: Ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva. Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let [Russia between Europe and Asia: ideological construction of geographical space. The Russian empire in the foreign historiography]. (Moscow, 2005, P. 277-303) [in Russian].
- Ven P. Fuko sovershaet perevorot v istorii. Kak pishut istoriiu. Opyt epistemologii [Foucault makes a coup in History. How history is being written. // The practice of epistemology] (Moscow, 2003, P. 350-391). [in Russian]
- Georgi I.G. Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilish, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnostei: sobranie sochinenii [A description of all living peoples in the Russian state: their rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, religious and other sights]. (Saint Petersburg, 1799, 178 p.) [in Russian]
- Pallas. P.S. (1773-1786). Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po poveleniiu Sankt-Peterburgskoi Imperatorskoi Akademii nauk [The trip across various places of the Russian empire according to the order of Saint Petersburg Science Academy] (Saint Petersburg, 1799, 606 p.). [in Russian]
- Miller G.F. Istoriia Sibiri [The history of Siberia]. (Moscow, 2005, 605 p.) [in Russian].
- Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. The western concepts of the East]. (Saint Petersburg, 2006, 637 p.). [in Russian]
- Sartori P., Shablei P. Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znanii v kazakhskoi stepi. [The experiments of Empire. Adat, shariat and the production of knowledge in the Kazakh Steppe] (Moscow, 2019, 280 p.). [in Russian]
- Slezkin Iu. Estestvoispytateli i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobraziia. [Naturalists and nations: the Russian scientists of the 18 c. and the problem of the ethnic pluralism. // The Russian empire in the foreign historiography]. (Moscow, 2005, 120-154 p). [in Russian]

Spivak Ch. Mogut li ugnetennoye govorit? [Can the subaltern speak?] (Kharkov, 2001, 649–670 p). [in Russian]

Fuko M. Vlast i znanie. Intellektualy i vlast. Izbrannyye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu [The power and knowledge. The selected political articles, reports and interviews]. (Moscow, 2002, 384 p.). [In Russian]

Сведения об авторах/

Авторлар туралы мәліметтер / Information about the authors

Джампейсова Жанар Махметовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Астана IT университет, проспект Мангилик Ел, 55/11, 010300, Астана, Казахстан.

Жампейсова Жанар Махметқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Астана қаласының Астана IT University қауымдастырылған профессорі (Мәңгілік Ел даңғылы, 55/11, Астана қаласы, Қазақстан) – корреспонденция авторы

Jampeissova Zhanar Makhmetovna – candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Astana IT University, Mangilik El avenue, 55/11, Astana, Kazakhstan. – corresponding author

Бижигитова Карлығаш Сабыровна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Университет международного бизнеса, проспект Абая, 8А, 050010, Алматы, Казахстан.

Қарлығаш Сабырқызы Бижигитова – тарих ғылымдарының кандидаты, Халықаралық бизнес университетінің қауымдастырылған профессорі (Абай даңғылы, 8А, 050010, Алматы қаласы, Қазақстан)

Bizhigitova Karlygash Sabyrovna – candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the University of International Business, Abay Avenue, 8A, Almaty, Kazakhstan.